

"РОМАНТИЧЕСКИЙ" ГЕРОЙ У ГОГОЛЯ И ПУШКИНА

Илдико Губузнаи

Три персонажа, о которых в дальнейшем пойдет речь, Чартков из гоголевского "Портрета", Сильвио из пушкинского "Выстрела" и Швабрин из "Капитанской дочки", изображены как люди, в той или иной степени заблуждающиеся. Они выступают как главные или второстепенные герои в зависимости от того, в какой мере писатель хочет привлечь наше внимание к их проблемам. Сильвио в пушкинском "Выстреле" – антипод другого героя, графа. Швабрин – второстепенное лицо в романе "Капитанская дочка", хотя он и играет важную роль в сюжете пушкинского произведения. Чартков же – главный и единственный герой гоголевского "Портрета".

Сильвио – типичный романтический или даже демонический герой, но он не полностью отторжен от культуры. Характерно, что фиктивный автор "Повестей Белкина", увлеченный романтизмом, считает его главным действующим лицом и интересуется им гораздо больше, чем благородным графом. Сильвио – самый яркий романтический персонаж из всех персонажей повестей. Он гордится тем, что обладает многими способностями, например, лучше всех стреляет в цель, лучше всех танцует, всегда добивается своих целей. Все это вполне имманентные качества, свойства или цели, имеющие практический характер. Но Сильвио этого не понимает. Есть у него и отрицательные качества: он замкнут, мрачен, таинственен, что объясняется вечным страхом перед возможностью не выдержать конкуренции, проиграть или просто с годами утратить прежние таланты. Его томит жажда успеха. За успех он готов отдать все. Популярность графа раздражает его. Граф достигает успеха, как кажется Сильвио, не прилагая для этого никаких усилий, как будто сама природа помогает ему во всем. Всеобщая любовь к графу препятствует Сильвио в том, чтобы быть в центре внимания, достичь полного успеха, поэтому он ненавидит графа и хочет ему отомстить. Сильвио злой человек, он готов уничтожить графа, не испытывая никаких угрызений совести. У него нет уважения к нормам

христианской культуры. Он не верит в Бога, ведь если бы у него была вера, он не боялся бы так потерять то, что он имеет. Самое ценное для него – индивидуальные качества. Он хочет быть лучше всех. Для него не существует трансцендентного. Возвыситься над другими в повседневной жизни – вот узкая цель его существования. При встрече с более талантливым человеком достижение этой цели оказывается под угрозой. Жизнь теряет смысл. Желание отомстить овладевает его душой, поработщает ее. И все-таки нормы культуры не совсем чужды ему. Это доказывается тем, что он даже не помышляет об убийстве графа из-за угла, а ищет дуэли, честного поединка. Сильвио не стреляет в безоружного человека. Он еще соблюдает определенные правила, и хочет произвести впечатление благородного человека. Конечно, это не значит, что он следует нормам культуры. Он вызывает графа на дуэль, хотя тот ничем не оскорбил его чести. Сильвио просто завидовал графу. Он соблюдает лишь внешние правила, а не внутренние нормы.

Для Швабрина из "Капитанской дочки" уже и этих формальных преград не существует. Его озлобленность выступает в неприкрытом виде: он жесток, двуличен, лицемерен. Его стихия – подлость и предательство. У него нет принципов, он из всего хочет извлечь выгоду для себя. О чести он не имеет представления. Он не уважает культуру. Он лицемерит, когда изображает из себя романтического героя. На самом деле он всего лишь жалкий эпигон. В романе он – второстепенный персонаж, занятый тем, чтобы совершить какое-нибудь злодейство. В пушкинском светлом, жизнеутверждающем мире он появляется как зловещее предупреждение. Действенность норм культуры уже не есть нечто само собой разумеющееся. Все здесь уже неопределенно и сомнительно. В мир входит своеволие.

У Швабрина нет положительной жизненной цели, даже такой, какая есть у другого бунтовщика, изображенного в романе, у Пугачева. Если Пугачев хочет стать царем, хотя бы на короткое время подняться над всеми, то Швабрин хочет только унижить, уничтожить Гринева. Его душа пуста, он не уверен в себе. Если бы это было не так, он не обиделся бы смертельно, когда Маша отказала ему как жениху. Все его моральные заблуждения – обидчивость,

мстительность – присходят от духовной пустоты. Это проявляется уже в самом начале романа, когда он клеветает на семью Мироновых и на Машу. Обидчивость, мстительность и зависть управляют всеми его поступками. До конца романа он не сможет побороть самого себя.

Для героя Гоголя, художника Чарткова, тоже характерно духовное заблуждение, хотя на первый взгляд может показаться, что его проблемы имеют сугубо моральный характер. И подобно тому, как нравственные наставления не подействовали бы на Швабрина (о чем занимающий духовную, аристократическую позицию Гринев догадывается и потому даже не пытается подобным образом воздействовать на него), так и Чартков не стал бы настоящим художником даже и в том случае, если бы не нашел денег и не поддался соблазну роскоши.

Уже в самом начале рассказа Чартков предстает перед нами как человек, который не понимает, что нужно художнику для создания настоящего произведения искусства. Он не знает, почему для этого не достаточно иметь способности, чувствовать красоту, быть старательным и прилежным. Гениальные художники эпохи Ренессанса, противопоставленные в повести Чарткову, кроме способностей и старания обладали тем, что для них было само собой разумеющимся, но что от Чарткова – представителя столь характерной для XIX-го века романтической, гражданской ментальности – скрыто. У них было непосредственное, личностное отношение к истине бытия, к традиции, аристократическая, духовная потребностью в представительстве культуры. Намерения Чарткова создать в искусстве великое вполне искренни, но поскольку он не видит границ своей личности, поскольку он не в состоянии отличить аристократическую духовность от гражданских добродетелей, это приводит лишь к безвыходному разладу с самым собой. Напрасно Чартков ставит перед собой цель, овладев мастерством недооцененных современностью художников, создать новое, оригинальное, соответствующее духу времени произведение. Это ему не может удасться, ведь он не только не понимает гениев прошлого, но и свои личные проблемы ему не ясны.

О различии между аристократическими, духовными ценностями и гражданскими добродетелями Чарткова не предупреждает и его учитель, который, как бы предчувствуя, что ждет его ученика в будущем, старается уберечь его от морального падения. Учитель и сам заблуждается, когда говорит не об истинном различии между современными художниками и художниками эпохи Ренессанса, ведь он и сам, подобно Чарткову, не видит, в чем заключается различие. Старый учитель Чарткова говорит банальности, когда предостерегает ученика от опасностей подражания моде, от франтовства, ведь настоящая проблема кроется гораздо глубже. Невозможно поверить, что если бы Чартков жил более скромно или даже аскетично, он обязательно стал бы большим художником. Моральная чистота не может быть достаточной для достижения тех духовных высот, которые были доступны Леонардо или Тициану. О типично гражданской позиции Чарткова свидетельствует его – выраженная в начале рассказа – вера в то, что желание и приложенный труд достаточны для того, чтобы родилось великое произведение искусства.

Шаткость, неопределенность позиции Чарткова подчеркивается тем, что он то бранит, то хвалит старых мастеров. Причина – не в моральной неустойчивости Чарткова, а в его духовном бессилии. Напрасно он создает все более совершенные эскизы к своим будущим картинам, он все же не может, идя таким путем, увидеть целое. Он и сам чувствует это, только не знает, в чем же кроется причина. Подражание старым мастерам, уважение к культуре без видения ее онтологических основ не может стать воистину духовным.

Он напрасно стал бы ждать от учителя, чтобы тот признал, что подражание, копирование само по себе ни к чему не приведет. Учитель обманывает самого себя, он не видит своей духовной беспомощности. Чартков же не хочет обманывать себя. Может быть, в нем в большей мере, чем в учителе, живо стремление к совершенству, хотя он и не знает, в чем оно проявляется. Он чувствует пустоту разговоров учителя, и именно тогда он отворачивается от морали, именно тогда на первый план выдвигается материальный интерес.

Экзистенциальная неопределенность, отсутствие твердой духовной позиции приводит к тому, что с самого начала испытывающий материальную нужду художник начинает гоняться за деньгами. Чартков полностью приспособливается к мещанскому окружению. Он сравнивает себя теперь только с модными художниками, считая, что если он рисует не хуже, чем они, то почему бы и ему не получить признания, не добиться успеха. Чартков не остается уважающим нормы культуры человеком, а пробует жить так, как это диктуют безличные условия существования. Постепенно, все более приспособиваясь к жизни, Чартков теряет самого себя. Ведь ему приходится исполнять все капризы заказчиков, чтобы стать модным художником. Даже радость творчества у него отнимают, ведь ему предписывают, что и как он должен рисовать.

Когда он видит подлинное произведение искусства, созданное одним из его сверстников, он чувствует, что вся его молодость прошла даром. На одно мгновение кажется, что ему снова удастся испытать душевный подъем. Но вслед за этим его охватывает чувство зависти и злобы. Поэтому этот мгновенный подъем, эта радость приобщения к искусству не может стать настоящим очищением, не приводит к раскаянию.

Другой изображенный в рассказе художник, автор злосчастного портрета ростовщика, столь притягательного для Чарткова, ушел в монастырь, чтобы очиститься от греха. В конце рассказа он предстает перед нами как человек, которому удалось избавиться от магической власти портрета. Создается иллюзия, что избавиться от искушения можно только с помощью отказа от мирской жизни.

Однако, такой выход не может быть подлинным, ведь он не для всех. Вопрос остается открытым. Загадочный портрет куда-то исчезает, очевидно затем, чтобы вновь появиться и вновь сделать кого-нибудь своей жертвой. Судьба портрета как бы символизирует живучесть ложных идей и заблуждений века.

Заблуждения, ложные представления, как мы видели, поработщуют сознание как пушкинских героев – Сильвио и Швабрина, так и гоголевского Чарткова. Сильвио соблюдает лишь внешние правила поведения. Швабрин не соблюдает даже внешних правил. Он уже полностью отчужден от культуры. У него нет шансов на спасение. Даже в тюрьме он злобно проклинает Гринева, не сделавшего ему

ничего дурного. Герой Гоголя тоже жертва собственных заблуждений. Он как бы предоставлен самому себе. Хотя изображенный Пушкиным мир уже "заражен" своеволием, характерным для гражданской ментальности, здесь все же господствуют аристократические идеи. У Гоголя как будто бы уже нет никого, кто считал бы своей задачей личностное представительство культуры. Гражданский образ мышления как будто характерен для всех представителей эпохи. Ведь Гоголь показывает все проблемы сквозь призму гражданского мышления. В отличие от Пушкина он рисует лишь фиаско героя, не способного занять духовную позицию. Антиподы таких героев, как например, граф в пушкинском "Выстреле" или Гринев в "Капитанской дочке", здесь отсутствуют. Ведь Гоголь ту же проблему раскрывает перед нами совсем с другой стороны.